

РОЗА ШОРНИКОВА

*День рождения
сельвы*

16+

Роза Абрамовна Шорникова

День рождения семьи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42097428

SelfPub; 2019

Аннотация

В центре повествования – несколько поколений одной семьи. Герои – реальные люди, каждый со своим уникальным характером, со своей судьбой. В сложном переплетении и взаимодействии событий, происходящих как в семье, так и в стране на протяжении почти целого века, воссоздается облик времени, эпохи. Каждая глава посвящена одному герою, проявляя ситуации на протяжении всей его жизни. Вместе с тем истории, рассказанные в отдельных главах, прочно связаны друг с другом и рисуют картину жизни всей семьи, подчеркивая необходимость и незыблемость семейных традиций.

Содержание

Дед	5
1	5
2	9
3	11
Лиля	12
1	12
2	15
Антонина	18
Баба Тася	25
Макар Савич	28
1	28
2	33
3	35
Любаша	36
1	36
2	39
Дед	41
1	41
2	44
3	47
4	49
Макар Савич	51
1	51

2	54
3	56
4	58
Сестра Варвара	60
Любаша	62
1	62
2	64
Макар Савич	66
1	66
2	70
Андрей	72
1	72
2	74
3	75
4	77
Наденька	78
1	78
2	80
3	82
4	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

*Попутный ветер вновь махнет крылом,
И будет так легко шагать вперед,
Покуда помнить буду я о том,
Что мне ответ держать за весь мой род...*

Дед

1

Тихон Матвеевич сидел на лавочке около Сельсовета, закрыв глаза и прижавшись к теплой бревенчатой стене. Огромные ступни в изрядно поношенных кирзовых сапогах безмятежно раскинулись в разные стороны. Тихон Матвеевич, не открывая глаз, достал из одного кармана небольшой обрывок газеты и коробок спичек, из другого – щепотку табака и ловко скрутил папироску. Он лениво подтянул к себе ноги, чиркнул спичкой и закурил. Потом медленно выпустил через нос огромную струю едкого дыма и снова занял первоначальное положение.

«Бабье лето...» – разморенно подумал он, подставляя под ласковые полуденные лучи то одну, то другую небритую щеку. Он уже и не помнил, когда вот так нежился на солнышке. Хоть и длинное в деревне лето, с самых «февральских окон» до октябрьских заморозков, хоть и жаркое, только проплы-

вает оно незаметно для тех, кто на земле трудится. Не то, чтобы солнышком побаловаться, взглянуть на него некогда. Разве только, когда сено сохнет, попросить его посильней пожарить, а когда пройдет сенокос – отдохнуть и уступить дождичку летнему, чтобы дать земле напитаться, силы набраться.

Тихон Матвеевич улыбнулся своим мыслям, вспомнив, как на общем собрании только что образовавшегося колхоза сельчане единогласно выбрали его председателем. Вот страху-то было! Даже подумал: «А не сбежать ли часом?» Ну, какой он председатель? Благо, читать-писать умеет. Землю, конечно, знает, но чтоб людьми управлять? А вот, поди же, ничего. Справляется. Да, вроде бы, и неплохо справляется-то! Почти за десять лет колхоз на первое место в районе вывел. Опять же грамоты разные, почет. Вот, путевку предложили...

– Тихон Матвеевич! – громкий голос раздался над распаренным ухом председателя.

Он лениво приоткрыл глаза и снова их закрыл.

– А, Пашка, опять чего-то придумал? Завтра приходи, – Тихон Матвеевич отвернул голову в другую сторону.

– Не могу завтра, сегодня надо! – Пашка переступил на шаг в сторону, снова загородив председателю солнце.

– Вот настырный, ядрена-матрена! Чего надо-то? – он снова приоткрыл глаза.

– Расписаться надо! Таська, подь сюда!

Из-за дерева несмело вышла молодая девушка, смущаясь

и теребя в руках перекинутую через плечо толстую русую косу.

– Тебе что, тоже надо расписаться? – Тихон Матвеевич, прищурившись, пристально посмотрел на девушку. – С этим?

Он кивнул в сторону Пашки и привычным движением достал из кармана нехитрые табачные принадлежности.

– Что значит, «с этим»? – громко возразил Пашка. – Я жених-то завидный! За меня любая пойдет!

Тася отпустила косу и выжидающе посмотрела на парня.

– Ладно, Таська! Это я так. Не бойсь! На тебе женюсь. Сказал – точка!

– Да, благодетель! – Тихон Матвеевич выпустил очередную порцию дыма. – А жить-то как будете?

– Да что я, без рук что ли? Работать буду. Кузнец всегда нужен. Прокормлю. А там, может, еще на «механические» устроюсь. Не пропадем!

– Не пропадем, – ворчливо повторил председатель. – А сестру Таськину, Антонину, куда денете? Она одна не сможет.

– Так что теперь, Таське из-за нее и замуж не выходить? – горячился Пашка. – С нами пусть живет. Не проест. Опять же лишние руки в доме. Все, какая-никакая польза!

Он подошел к девушке. Та смотрела на него влюбленными глазами, водя по щеке пушистым кончиком косы.

– Эх, молодежь, ядрена-матрена! Человек отдыхает, а им

приспичило: распиши да распиши...

Тихон Матвеевич тяжело поднялся со скамейки.

– Ладно уж, пойдём. Запишу вас.

2

«Двадцать третье сентября одна тысяча девятьсот сорокового года», – бормотал Тихон Матвеевич, выводя буквы и заполняя графы в большой амбарной книге.

– Давай, жених, подходи ближе.

Он провел погрубевшим ногтем по строчке, где были записаны Пашкины фамилия, имя и отчество, и в конце ее поставил жирную галку.

– Вот, здесь.

Пашка взял ручку, обмакнул в чернила и крупным, почти детским почерком вывел свою фамилию.

– Теперь – невеста, – почти торжественно произнес председатель.

Тася расписалась чуть ниже.

– Ну, что, молодые! Чего сказать-то вам? Жаль, родителей ваших нет. Порадовались бы, посоветовали что на жизнь-то. Вот, Таську с детства знаю. Пашка, ты у нас парень новый, но тоже, вроде бы, своим стал. Не считая Антонины, нету у вас никого на этом свете. А вот, оказывается, и есть теперь! Сегодня, вроде, как день рождения вашей семьи. Понял, Пашка? Семья, она, вроде бы, как живая. И рождение у нее есть, и жизнь, и смерть бывает. Только не все это чувствуют. А надо бы! Иначе трудно будет. Держитесь друг друга. Как пчелки. Вот, кажись, много их. У каждой своя сотка, свой цветок. А

все равно вместе собираются. Потому что – семья! Слово это для вас теперь самое главное. И никуда теперь вам друг от дружки не деться. Понимаешь? И никого роднее нет. Ну, вот и все, молодежь. Как говорится, совет да любовь! Ступайте с миром!

– Спасибо, Тихон Матвеевич! Приходите завтра. Жена пирогов напечет, – Пашка уверенно кивнул в сторону Таськи.

– Вона, быстро освоился. Молодец!

– Тихон Матвеевич, правда, приходите! Извините, что отдохнуть не дали, – Тася ткнулась носом в колючую щеку председателя и выбежала за дверь. Пашка поспешил за ней.

– Да ладно уж, какой тут отдых! На счастье бы, а отдохнуть успеем, – Тихон Матвеевич опустил на стул и полез в карман за табаком.

3

Они шли по деревне в обнимку. Теперь – можно! Теперь они – муж и жена. Чудно! Час назад были просто Пашкой и Таськой, обычными деревенскими молодыми ребятами, чуть раньше времени повзрослевшими от того, что детство и юность их пришлась на самые трудные для страны годы. Но, не смотря ни на что, такими безмятежными и счастливыми в своем молодом задоре. Что же изменилось? А, может, ничего и не менялось? Просто – игра?

Нет! Это – не игра! Это – они! Их семья. И их новая жизнь. А какой она будет? Этого не знал никто. Ни Павел, ни Тася, ни Тихон Матвеевич. Никто!

И никому этого знать не дано. А иначе зачем тогда жить, если знать наперед, что будет? Тогда можно было бы просто отмечать те вешки, которые прошли сегодня и смотреть «расписание на завтра». И никакой «работы над ошибками». Но как же тогда научиться их не делать, эти ошибки? И к чему стремиться? И как любить? И что ненавидеть?

Лиля

1

– Поехали, Олег!

Лиля захлопнула дверцу машины и удобнее устроилась на заднем сиденье.

– Поехали, Лилия Андреевна. До полуночи дома будем! – он повернул ключ зажигания и тихонько стал напевать старую мелодию: «от Питера до Москвы...»

«Да, – думала Лиля. – сколько же раз за последнее время я ездила по этой дороге от Питера до Москвы? Раз десять? Нет, наверное, больше. Так, филиал открыли два года назад. Раз в квартал, плюс... А, да не все ли равно? – остановила себя Лиля. – Красота-то какая!» – перевела взгляд за окно.

Заканчивался сентябрь. В этом году он был теплым. И, как всегда, ярким. Такое разноцветье может быть только в сентябре. Деревья стояли в ослепительных одеяниях, каждое – в своем, сшитом осенью только для него. От этого смешения красок веяло такой силой и тягой к жизни! «Бабье лето...» – подумала Лиля.

Она почему-то не любила это словосочетание. От него веяло какой-то стариковской безвозвратностью. А ведь осень – это не угасание, не покой, а всплеск, взрыв. Взрыв энер-

гии и красоты! Совершенно конкретное воплощение всего прекрасного, что зарождалось и росло в своей великолепии долгие весенние и летние месяцы. Это – момент, когда уже невозможно сдерживать безумный напор этого сумасшедшего танца природы. Нет, осень – это как завершающий аккорд одного произведения. А за ним будет пауза и родится нечто новое, еще более красивое и совершенное.

– Лилия Андреевна, за штурвал? – спросил Олег, глядя на нее в зеркало.

Лилия любила водить машину, и у нее это хорошо получалось. Но за руль своего «Пежо» в последнее время приходилось садиться очень редко. Поэтому в дальних поездках они с Олегом делили трассу пополам.

– Пожалуй, сегодня не стоит. Устала очень.

– Отдыхайте, Лилия Андреевна.

– Сейчас, только детям позвоню, – она достала мобильный телефон.

– Юлечка, здравствуй, дорогая! Как там у вас?

– Мамуля, привет! У нас все хорошо! Я уже из института пришла. Мам, у нас сегодня такая тема интересная была! Сейчас расскажу!

– Милая моя, я приеду, и ты мне все подробно расскажешь! Хорошо?

– Хорошо, хорошо! – не унималась Юля. – Сейчас за ребятами пойду. Ты не волнуйся! Мамуля, ты не забыла? Нам завтра к бабушке ехать!

– Ну, как я могу забыть? На машине поедem. Мы с Олегом уже договорились.

– Здорово! На машине лучше, чем на поезде! Я ребятам вещи собираю. А ты подарки купила?

– Не всем пока. Посмотрю еще по дороге.

– Ну, счастливого пути! Приезжай скорее! Мы тебя ждем!

– Мы уже едем! – ответила Лиля. – Целую вас. Ложитесь спать, я буду поздно. Пока!

Лилия выключила телефон и, откинув голову на спинку сиденья, закрыла глаза.

Колеса с легким шуршаньем скользили по серому асфальту. Машина раскачивалась в такт неровностям дорожного покрытия. Приглушенно и монотонно урчал мотор.

– Олег, у тарелочек не забудь остановиться.

– Не беспокойтесь, Лилия Андреевна, остановимся!

«Тарелочками» Лиля называла торговые ряды, которые выстроились прямо у дороги. Здесь продавали посуду. Глиняные и фарфоровые сервизы, тарелки, кружки, бокалы, вазы. Недорогие и, чаще всего, с аляповатым ярким рисунком. Но Лиле почему-то доставляло удовольствие бродить среди всей этой безвкусицы. Сначала просто рябило в глазах, потом взгляд начинал что-то выделять из этой однообразной массы, а потом это «что-то» начинало нравиться. Каждый раз Лиля привозила отсюда какую-нибудь незамысловатую вещицу.

Машина плавно припарковалась у обочины дороги.

– Лилечка, здравствуйте! – зычно прокричала продавщица, едва завидев Лилю.

– Здравствуйте, Валентина, здравствуйте, – Лиля подошла ближе. – Что у вас новенького?

– Да сколько угодно! – широко улыбнулась та ярко накрашенными губами, показывая рукой на запыленную посуду.

Ассортимент тут почти не менялся. Но таковы правила жанра: покупатель должен спросить, а продавец должен продать.

Сегодня перед Лилей стояла довольно трудная задача: нужно было купить подарки для всей семьи. В общем-то, она и не рассчитывала купить все подарки именно здесь, разве

что «именные» кружки, которые сейчас уже совсем не диковинка. Нет, кружки – это уже не интересно. Что же взять, что взять?..

Лиля не спеша переходила от одного стеллажа к другому. Нет, похоже, с прошлого раза ничего нового не добавилось.

– Лилечка, посмотрите вот это! Пойдет? – Валентина держала в руках картонную коробку.

Она открыла крышку и вынула изящный кофейник. По бокам его в синих тонах был изображен старинный замок. Формы кофейника на удивление были очень пропорциональными и даже элегантными.

– Тут еще сахарница, сливочник и две чашечки с блюдечками.

– Красиво, – Лиля открыла синюю крышечку и заглянула внутрь кофейника.

– На днях привезли. Приберегла, как чувствовала, что вы приедете, – Валентина пылливо заглянула ей в глаза.

– А вы, оказывается, прорицательница, – улыbnулась Лиля, доставая кошелек.

Она отсчитала сумму, чуть большую, чем была указана на коробке, и протянула деньги продавщице. – Спасибо!

– Пользуйтесь на здоровье! Приезжайте еще.

– Конечно, приеду. До свидания.

«Ну, вот, еще один есть. Завтра по дороге еще купим».

– Что Лиля Андреевна, не зря останавливались? – Олег широко распахнул перед ней дверцу машины.

– Ничего в этой жизни не бывает зря, Олежек! – Она аккуратно положила коробку на сиденье рядом с собой. – Поехали!

Антонина

Сегодня Антонина решила сделать генеральную уборку. В доме и так всегда был полный порядок, но Тоня постоянно придумывала себе дела. Жили они с сестрой Таськой в старом отцовском доме. Соседские мужики помогали, чем могли. Кто доску подобьет, кто крышу починит. Свет не без добрых людей, как говорится. А так, по хозяйству, девушки управлялись сами.

Тоня была младшей. На несколько минут. Но этих минут хватило, чтобы нерасторопная акушерка ее вначале не заметила, а потом и вовсе уронила. И сделала на всю жизнь калекой.

Росла она маленькой, хрупкой девочкой. Говорить начала намного позже своей сестрички-блезняшки. И ножка одна была чуть короче другой. А потом – еще беда. Где-то годикам к трем на спинке появился небольшой горбик, который с возрастом все увеличивался и делал ее похожей на гороховый стручок. В школе ее так «стручком» и дразнили, если, конечно, Таська не слышала. Потому что слово это, сказанное в адрес сестры, приводило ее в такую ярость, что обидчики сразу же разбегались в разные стороны.

Когда девочки закончили «семилетку», родители уехали на заработки, да так и сгнули в необъятных просторах Севера. Продолжать учебу в городе было некогда. Остались в

деревне. Тася на ферму пошла, а Антонина по хозяйству хлопотала.

Так и жили бы, если б не этот Пашка. «Ох, окрутит он Таську, как пить дать, окрутит, – грустила Тоня. – Столько девок вокруг, закрыв глаза, за ним побежали бы. Так нет. Таська ему понадобилась! Конечно, Таська у нее – красавица! Коса вон какая, почти до пят. Добрая, умная. А он что? Детдомовский, ни кола, ни двора. Да это бы еще полбеды. Шаловливый больно, балабол, одно слово. Ни одной юбки не пропустит. Да и Таське, вроде бы, он приглянулся. К Пантелеймоне сходить, что ли? Может, отвадит?»

Тоня, стоя на коленях, сосредоточенно терла одну и ту же половицу, перебирая в уме, что можно было бы еще предпринять, чтобы отлучить этого несносного Пашку от сестры.

Она поднялась с колен, прополоскала в ведре тряпку и с силой отжала ее. «Надо воду сменить», – подумала Тоня, взяла ведро и вышла на улицу.

– О, Господи, что же это делается-то? – воскликнула Тоня, увидев с крыльца подходящих к калитке Тасю с Пашкой. – Совсем сдурел парень! Средь бела дня, в обнимку! Ни стыда, ни совести нету!

– Тонечка, это – мы! – завидев сестру, громко крикнула Таська.

– Радость-то какая, только этого дурня мне здесь и не хватало, – проворчала Тоня и, прихрамывая, спустилась со ступенек.

Она вылила воду под огромную яблоню, поставила ведро на землю и стала вытирать руки о передник. Таська и Пашка расположились на лавочке около крыльца. Они сидели, прижавшись друг к другу. Пашка одной рукой обнимал девушку, а другой – нежно перебирал ее, уже успевшие загрузеть от тяжелой работы, пальцы.

Тоня со вздохом отвернулась, взяла грабли, которые были прислонены к дереву, и начала собирать сухие листья.

– Тонечка, оставь ты это. Иди к нам!

– Вам и без меня хорошо, – Тоня яростно скребла пожелтевшую траву, внутренне почувствовав, что произошло что-то непоправимое.

– Нет, Тонечка, – Таська подбежала к ней, – мне без тебя очень плохо!

Она отставила грабли в сторону и обняла сестру.

– Как же мне без тебя-то? – Таська крепко прижала ее к себе, проведя рукой по уродливой спине.

– А как же он? – кивнула Тоня на Пашку.

– И без него не могу, – Таська посмотрела на парня, потом снова повернулась к сестре, – расписались мы. Муж он мне.

– Как муж? – Тоня отступила на шаг и посмотрела ей в глаза. – Когда? Зачем ты?

– Люблю я его. Он – хороший. Поверь мне, Тонечка!

– Мне-то что? Тебе жить, – вдруг как-то смиренно произнесла Тоня и, повысив голос, уверенно добавила, – только знай, Таська, в обиду я тебя не дам!

– Милая ты моя, дорогая моя сестричка! То я тебя защищала, а теперь – ты меня. Только от Пашки не надо защищать. Он – свой. Понимаешь? Наш. Я такая счастливая!

Они подошли к скамейке. Пашка сидел, закинув ногу на ногу, лихо потягивая папироску.

– Ну что, наговорились? – сказал он, вставая навстречу девушкам.

– Смотри, Пашка! Не балуй! – Тоня сурово посмотрела на него снизу вверх.

– У тебя побалуешь, – Павел обнял прижавшуюся к нему Таську.

– А я тебе не пугало. Ты вон за Таськой смотри. Ладно, пошли в дом. Ноги вытирай! Да окурки где попало не раскидывай!

– Не буду, Тонечка!

– Какая я тебе Тонечка? Нашелся шустрый какой.

– Ладно, Тонечка, не сердись. Привыкнет. Все будет хорошо. Пойдем, Пашенька, – ласково проговорила Таська.

– Посмотрим, посмотрим, – не унималась Антонина, расставляя по местам стулья и расстилая на чистый пол домотканые половики. – Сейчас на стол соберу. Проголодались, поди.

Тарелки и рюмки поставили прямо на выскобленный добела стол. Посередине дышала горячим ароматом огромная чугунная сковорода с жареной картошкой и грибами. Рядом в алюминиевых мисках лежали овощи с огорода и прошло-

годние соленья.

Тоня достала из шкафчика бутылку домашней «сливовки» и наполнила граненные маленькие рюмки. Все молчали.

– Тонь, ты б поздравила нас что ли? – протянул Пашка, крутя в руке рюмку с вином.

– Правда, Тонечка, скажи что-нибудь, – в тон ему проговорила Таська.

Тоня взяла свою рюмку и встала. Потом, смутившись за свой маленький рост, снова села на стул. Посмотрела на сестру, перевела взгляд на Павла. «А, вроде бы, и ничего, симпатичный. Может, и сладится все. Дай-то, Бог!»

– Да, ладно, чего уж тут говорить. Живите, коль надумали. От родителей наших благословляю вас!

– Спасибо! – в один голос отозвались молодые.

Все выпили.

– Ешьте, пока горячее, – Тоня принялась раскладывать по тарелкам картошку. – Знала бы, пирогов напекла. Эх, не такую свадьбу хотела Таське устроить!

– Вкусно как! – проговорила Таська, поддевая на вилку и отправляя в рот маленький опенок. – А пирогов завтра напечем, Тихон Матвеевич придет, девчонок позовем.

– И Ваську с Гришкой надо позвать. Дружки, как-никак.

– Про дружков забудь! – Тоня вновь приняла строгий вид. – Какие теперь дружки? У тебя жена есть!

– Тонечка, ну что ты? Пусть придут. Веселее будет!

– А, как хотите. Дело ваше! Давай еще выпьем!

– Вот это по-нашему! – оживился Пашка.

Они выпили. Тоня поставила на стол рюмку и посмотрела на сестру. Русые волосы, выжженные жарким летним солнцем, мягкими волнами вились вокруг разругавшегося лица. Глаза излучали бесконечную любовь и счастье!

Тоня встала, подошла к комоду и вытащила из ящика маленькую резную шкатулочку. Открыла ее и достала колечко. Такое тоненькое, как ниточка, что казалось, вот-вот порвется. Затем подошла к Пашке.

– На, надень жене. Так положено. Серебряное оно. В городе купила.

Пашка неуклюжими пальцами взял кольцо, зачем-то повернул его другой стороной и надел на безымянный палец правой руки Таськи.

– Ну вот, теперь – так! – Тоня вернулась на свое место, взяла рюмку и залпом выпила. – Ох, и горькая, зараза! – сказала она, поставив рюмку на стол. Потом подняла глаза на молодых, – горько мне. Горько!

Пашка нежно поцеловал Таську. Напряжение немного спало. Молодость и вино сделали свое дело. Пашка рассказывал про свой детдом. Вспоминали смешные случаи из деревенской жизни. Вечер пролетел незаметно.

– Ну все, спать пора, – сказала Тоня, собирая со стола. – Завтра дел много.

Таська с Пашкой смущенно переглянулись.

– Вы здесь располагайтесь, а я в сени пойду. Потом ре-

шим, как размещаться будем. Мне, Пашка, привыкнуть к тебе еще надо. Спокойной ночи! – и она вышла из дома.

Баба Тася

Таисия Петровна открыла глаза. За окном было еще совсем темно. Прямо напротив окна среди ярких звезд висел молодой месяц. Желтый, сочный такой. Почему-то вспомнилась заставка к детской телевизионной передаче. Там на таком же рожке месяца раскачивался маленький полосатый тигренок. Он сидел на нем, скрестив ножки и свесив вниз длинный-длинный хвост. Смешной такой, словно хотел зацепиться своим хвостом за что-нибудь, чтобы не упасть. Таисия Петровна улыбнулась, вспомнив, как перед сном внучки всегда бежали к ней: «Баба Тася! Баба Тася, сказка начинается!» Они сажали ее между собой. И она смотрела, хотя дел было – непочатый край.

Таисия Петровна снова закрыла глаза. «Внученьки мои, Лялечка, Лилечка. Двойняшки, а совсем не похожи. Ни внешне, ни характером. Особенно, по молодости. И не скажешь, что сестры родные. Лиля – та гордая, заносчивая всегда была. А Лялечка – сама простота. И не было меж ними тепла сестринского. Месяцами могли не видеться. Не то, что у них с Тонечкой, царство ей небесное! – Таисия Петровна тяжело вздохнула и перевернулась на другой бок. – Слава Богу, что сейчас меж внучками все наладилось! И то хорошо!»

«Тик-так, тик-так...» – ходики на стене мерно отстукива-

ли секунды. «Сколько же лет этим часам? – ни с того, ни с сего подумалось Таисии Петровне. – Еще Андрейка был маленьким. Все сторожил, чтобы кукушка не улетела. Теперь она уже и не кукует вовсе, а часы – ходят себе. Время отмеряют, а сами не стареют. Тик-так, тик-так... не уснуть теперь никак...»

Таисия Петровна села на кровати. Ох, уж эти бессонные ночи... О чем только не передумаешь, чего не переберешь в памяти, с кем не поговоришь, тихо, без слов. Сама спрашиваешь, сама отвечаешь. За всех. Бессонное время течет медленно. Мысли то разбегаются в разные стороны, то возвращаются, перебивая друг друга, неожиданно всплывая из самых дальних уголков, чаще всего, восстанавливая в памяти то, о чем хочется забыть вовсе и не вспоминать никогда. Почему бессонные мысли такие навязчивые, такие тягучие, такие прилипчивые?

Таисия Петровна выпила несколько глотков воды из стакана, стоящего на прикроватной тумбочке, и снова легла.

«Тонечка, сестричка моя родная!» – снова подумалось ей.

Как они с сестрой берегли друг друга! И когда остались одни, без родителей. И потом, когда появился Пашка. Тоня тогда ничего никому не сказала, в город уехала. Решила, что помешает молодым. Дом-то маленький. Комнатка да сени. Вот чудная, ей-Богу.

Таисия Петровна вспомнила, как бегала по всему городу, искала ее. Нашла на вокзале – замерзшую, маленькую та-

кую, беззащитную. Как они плакали прямо там, на огромной деревянной лавке, среди спящих пассажиров, чемоданов, тюков, узлов. А Пашка стоял в сторонке и не вмешивался. Ждал, пока наплачутся.

А потом все вместе поехали домой. Хороший он был...

«Пашенька», – прошептала Таисия Петровна и крепко зажмурила глаза. Как-то сами собой появились слезы. Они скапывались по изъеденным временем щекам, омывая и наполняя каждую морщинку живительной влагой памяти.

«Чего это я», – Таисия Петровна приподнялась на локте и достала из-под подушки носовой платочек. «Столько лет прошло, о-хо-хо», – она вытерла глаза дрожащими пальцами. Потом аккуратно сложила платок и положила его на прежнее место.

«Ладно, Пашенька, не серчай на меня. Уж больно я тебя любила, – Таисия Петровна медленно опустила голову на подушку и натянула на себя одеяло. – Завтра – наш день. Не забыла я твой наказ. Через всю жизнь пронесла. Детям передала. А помру, так их дело: помнить, или нет. Но... пока я жива... – она закрыла глаза, – пока жива...»

Макар Савич

1

Большие деревянные сани легко и размашисто катились по широкой просеке. Зима в этом году была снежная, пушистая. Нетронутая белизна снега оттеняла черную сухость стволов и игольчатую зелень раскидистых елей. Махровые белые треугольнички, словно пуховые платочки, лежали на красных кистях рябин. Солнце светило оттуда, из-за леса, пронизывая своими лучами все, что было между ним и землей. И лес оживал. Он танцевал. Это был медленный фокстрот. Нет, вальс. Да! Зимний вальс! На белоснежном паркете. Под аккомпанемент яркого, сияющего солнца и свежего ветра строгие высокие сосны и божественно стройные ели, взяв друг друга за хвойные руки, кружили в прозрачной морской свежести, придумывая все новые и новые па. Лица красавиц – под белой вуалью, плечи присыпаны снежной пудрой, глаза томно прикрыты длинными зелеными ресницами... Необыкновенный искрящийся праздник, отражающийся в каждой снежинке, в каждой льдинке, в каждой частичке этой зимней сказки...

«Что-то Буян прихрамывает. Подковать надо», – тревож-

но подумал Макар Савич.

Он сидел, полуразвалившись в санях, свободно держа в руках поводья и совершенно не замечая ни солнца, ни бежавшего вдоль дороги леса. Это был мужчина лет сорока. Черная окладистая борода делала его похожим на цыгана. Большой рост и всегда насупленный, из-под широких бровей, взгляд добавлял к его возрасту, как минимум, еще лет пять.

Жил он на своем хуторе одиноко, если не считать рябого Федьки. Как-то в городе помог Федька телегу из ямы вытащить, да так и увязался за ним. Батрак не батрак, а так, помощник в доме.

Хутор Макару Савичу достался от отца. В двадцатые, в разгар всеобщей коллективизации, отца с матерью, как и несколько других семей, объявили «кулаками». Приговор обжалованию не подлежал и означал только одно: выселение. Выселение туда, где все было неизвестно: и место жительства, и возможность возвращения, и, в общем-то, возможность продолжения самой жизни.

Для Макара, активиста местной комсомольской ячейки, такой поворот событий был неожиданным. Сколько раз он в составе специальной бригады ходил на раскулачивание. А тут – собственные родители. Нет, не мог Макар с этим смириться! «Отказываюсь я от них, и точка!» – объявил он всем на комсомольском собрании, и заявление соответствующее написал. Мол, не родители они мне больше, кулаки прокля-

тые! Товарищи его тогда поддержали: «Молодец, Макарка! Мужик! Нечего «кулацкой сволочи» нашу землю топтать!»

И домой он тогда не пошел. Остался ночевать в прокуренной маленькой избенке, где проходило собрание. Обида на отца переворачивала все внутри. Ну, почему он не может как все? Отдал бы по-хорошему. И работал бы вместе со всеми, на равных. Вон колхоз какой будет! Сколько добра собрали! Свезли со всей округи. Богатый будет колхоз! Чего не работать-то?

На третью ночь прибежал Петька, младший братишка. Неловко остановился в дверях.

– Петька! – обрадовался Макар брату. – Петушок мой маленький! Проходи!

Петька сделал шаг навстречу и остановился.

– Ты чего? Или послал кто?

– Ага, того, – Петька шмыгнул носом, – папаня послал. Чтобы ты пришел сегодня.

– Папаня послал, – зло проговорил Макар, – понадобился, стало быть. Вспомнил о сыне.

– Уезжаем мы завтра, Макарчик, – Петька снова громко шмыгнул и бросился к брату.

– Как завтра? Ведь через неделю должны были! Из города еще распоряжения не было.

– Не знаю, папаня сказал, что завтра. Попрощаться хочет. И мамка тоже плачет, – из глаз мальчугана полились слезы.

– Ну, ладно, ладно, не реви. Пойдем, пока никто не видит.

Они вышли из избы и огородами стали пробираться к хутору.

– Макарчик, а разве это тайна – с мамкой попрощаться? – глазенки Петьки светились в темноте, как у маленького котенка.

– С мамкой – нет, не тайна.

– А с папаней – тайна? Да?

– С папаней, – Макар чуть замедлил шаг, – не знаю, Петька. Получается, что так.

– А может, ты с нами поедешь? Мамке, ох, трудно без тебя будет, – как-то по-взрослому сказал Петька.

– Нельзя мне с вами, Петушок, – Макар ласково посмотрел на брата, – а мамке ты поможешь. Я на тебя надеюсь.

– Ладно, нельзя, так нельзя, – согласил Петька. – Я справлюсь. Только и папане без тебя тоже плохо будет.

Макар на это ничего не ответил.

Никто не знал, о чем говорили отец с сыном в ту последнюю ночь перед отъездом. Никогда не забудет Макар, как голосила мать и руки к нему протягивала, как осадил ее отец, и крик ее прервался на самой высокой ноте и затерялся в вязкой дорожной пыли...

Макар остался. И хутор остался, и конюшня, что отец своими руками построил. И лошади остались, за которыми Макар с детства ухаживал, знал каждую с рождения. Только считались они теперь колхозными, но конюшня стояла на

прежнем месте, и Макар Савич был на ней конюхом.

Комсомольский возраст прошел, но в партию вступать Макар Савич не торопился. Так и жил. Работал колхозным конюхом на своей собственной конюшне и жил один в доме, экспропрированном Советской властью у его же собственного отца.

Односельчане к нему относились по-разному: одни недолюбливали, другие ненавидели. Но все сторонились. Побайивались его хмурого вида, крутого нрава, горячей руки.

2

«И как я не доглядел, дурья башка? – ругал себя Макар Савич. – Ты уж потерпи, Буянушка! Потерпи, дорогой! Недолго осталось».

Он совсем ослабил поводья. Буян только покосился умым коричневым глазом на голос хозяина, но бег не прервал. Дорога была ему хорошо знакома, а подкова... Ладно, что там подкова? Поставит ему хозяин новую, и отдохнуть даст, пока нога заживет. Слишком хорошо они понимали и любили друг друга.

«Гляди-ка, кто-то в Осеевку свернул», – Макар Савич повернул голову в сторону санного следа, ответвившегося от главной просеки к соседней деревне и четко выделявшегося на ровном полотне белого снега. День сегодня был солнечный, бесснежный, поэтому сказать, как давно проехали сани, было нельзя. Да, собственно, Макар Савич и не задумывался над этим. Все его мысли были о Буяне. «Сейчас распрягу тебя и к Гришке пойдем, – снова обратился он к коню. – Он быстро все сделает. Не ушел бы только. Пока придет-то, гляди, поздно будет. Да, в случае чего, из дома позову. Гришка пойдет, уважит». Пашку, помощника кузнеца, Макар Савич в расчет не брал. Недолюбливал он его. Балабол, задиристый больно. Ему бы за девками бегать, а не молотом махать. Молодой еще, неопытный. Не мог ему доверить своих

коней Макар Савич.

«Вот те на! Никак сидит кто? Примерз что ли?» – Макар Савич даже привстал в санях, вглядываясь в быстро спускающиеся на лес сумерки. Буян снова покосился назад, почувствовал, как натянулись поводья.

Впереди около большого дерева прямо на снегу действительно кто-то сидел. Макар Савич подъехал ближе и остановил коня.

– Эй, малец! Ты чего расселся-то? Чай, не лето!

Паренек попытался что-то ответить, но у него получилось только слабо пошевелить рукой.

Макар Савич вылез из саней и подошел к дереву.

– Да ты синий весь! Господи, откуда ты здесь взялся-то?

Паренек закрыл глаза и начал заваливаться набок.

– Эй, эй, не дури! Ты чего? – Макар Савич хлопнул себя по бокам и подхватил его на руки. – Ладно, потом расскажешь. Растереть бы тебя, да ничего под рукой нету.

Он уложил мальчика в сани и накрыл большим овчинным тулупом, который всегда брал с собой в дорогу.

– Ничего, малец, не тужи! Помереть не дам. Вот зараз доедем, разотру, как положено, потом в баньке попарю. Обойдется. А ну, Буян, дорогой, не подведи! Гони, родной! Гони шибче! Опоздаем – худо будет!

Конь, услышав взволнованный голос хозяина, прямо с места рванул крупной рысью и понесся по накатанной просеке, оставляя за санями высокий шлейф искрящегося снега.

3

– Федька! Где тебя носит, чертяка? – Макар Савич спрыгнул с саней и, подхватив на руки завернутое в огромный тулуп обмякшее тело ребенка, побежал в дом.

– Здеся я, Макар Савич! Чего надо-то? – словно из-под земли появился Федька.

– Здеся, здеся! Спирту давай! Баню растопи! Мальца, вон, привез замороженного.

– Это я мигом, – Федька бойко выбежал из комнаты.

– Сейчас, сейчас, – приговаривал Макар Савич, расстегивая тонкое пальтишко и расшнуровывая старые, почти сносившиеся ботинки. – Кто же в такую пору в этом ходит-то? Так и в городе замерзнуть недолго, а в лесу, на дороге – и подавно. Ба! Да ты – девка что ли? – Макар Савич тупо уставился на уже заметно округлившиеся груди, показавшиеся из-под расстегнутой мужской рубашки. Он на секунду замер, потом растерянно повернулся к появившемуся рядом Федьке.

– Чего вылупился, дурень! Титек не видал? Спирту давай!

Макар Савич налил в огромную ладонь спирта и принялся обеими руками растирать упругое девичье тело.

Любаша

1

Сил идти уже не было. Ноги промерзли так, что казалось, пальцы стали стеклянными. Чуть тронешь, и разобьются вдребезги. Старое пальтишко насквозь продувалось ветром. Да еще этот блестящий снег. До рези, до ломоты в глазах. «Господи, не могу больше», – Люба сошла с наезженной дороги и устало опустилась прямо на снег у старой раскидистой ели.

Она смотрела и ничего не видела перед собой, кроме нестерпимо ярких разноцветных переливающихся искорок. Как же их много, бесконечно много...

Люба прищурила глаза, и искорки расплылись в радужные круги. Нет, лучше уж совсем закрыть глаза.

Еще утром ей казалось, что она готова идти пешком куда угодно, лишь бы подальше от вечно пьяных отца с матерью. Как она устала от этой грязной брани, ругани и побоев! Мысль о том, чтобы сбежать в деревню к тетке Пелагее, зрела давно. Но все думала, что обойдется. Одумаются. Но время шло, а ничего не менялось.

После очередной попойки, когда отец набросился на нее с огромным кухонным ножом, Люба не выдержала. Накинув

пальтишко, выбежала из дома, даже не успев взять с собой маленький узелок с вещами, который давно уже был приготовлен для подобного случая. Она не знала, как доберется до деревни. Даже не думала об этом. Знала только, что обратно не вернется никогда.

Лес начинался прямо за городом. Люба бежала без остановки, пока не оказалась на широкой просеке. Только сейчас она замедлила бег и осмотрелась вокруг.

День был безоблачный, солнечный. Лес стоял, словно покрытый мелкой алмазной пылью, переливающейся на солнце всеми цветами радуги. Сердце наполнилось такой радостью, что захотелось вдруг поднять вверх руки и громко закричать: «А-а-а!»

– Ты чего орешь, девонька? Горе какое?

Люба оглянулась. Она и не заметила, как сзади подъехали сани. Небольшой мужичок с растрепанной бородкой участливо глядел на нее.

– Случилось чё, говорю?

– Нет, – смущенно проговорила Люба, отступая в сторону и освобождая дорогу.

– Далёко собралась-то?

– В Николаевку. Тетка у меня там.

– В Николаевку, говоришь? В такой-то амуниции? – Мужичок оглядел ее с ног до головы. – Не дойдешь. Замерзнешь.

– Может, подвезете, а? – Люба пытливно посмотрела на

него.

– Может, и подвезу. До развилки. Мне-то – в Осеевку.

– Хоть так. А там я сама дойду.

– Садись, горе горькое. Хоть сеном ноги прикрой, все теплее будет. Но, пошла, родимая! – Он цокнул языком и слегка тронул кнутом старую пегую лошадь.

Еще сидя в санях, Люба поняла, что замерзает. Она попыталась как-то согреться, пробуя шевелить руками и ногами. Потом, сжавшись в комок, задремала. Ей снилось, словно она в белом-белом платье летает над белой-белой снежной равниной, а с неба сыпется белый-белый пушистый снег. И все мерцает, блестит и кружится в каком-то призрачном танце. И ей тепло. Даже жарко! Чудно! Столько снега, а совсем не холодно!

И снова взлетает ввысь и погружается в эту пуховую снежную перину. Чудно!

– Девонька, просыпайся! Приехали, – голос старика раздался, как удар молнии над головой.

Люба открыла глаза. Ноги и руки не хотели слушаться. Она еле вылезла из саней.

– А-то, может, к нам поедешь? Замерзнешь одна на дороге. Здесь редко ездют.

– Нет, спасибо, – тихо проговорила Люба. – Мне к тетке надо. Как-нибудь дойду.

– Ну, как знаешь, – старик сочувственно покачал головой и развернул лошадь в сторону от просеки.

2

Макар Савич зашел в комнату, стараясь ступать тихо, чтобы не закрипели половицы. Девушка лежала на большой кровати. После всех процедур, которые проделал Макар Савич, она крепко спала, смешно, по-детски, приоткрыв рот. Щеки ее покраснелись и яркими пятнами выделялись на фоне ситцевой наволочки, одетой на огромную пуховую подушку. Коротко подстриженные светлые волосы тонкими прядями прилипли ко лбу. Руки свободно лежали поверх добротного лоскутного одеяла. Макар Савич невольно залюбовался: «Хороша, Любаша!» Почему «Любаша»? Он и сам не знал. Так, как-то само собой пришло на ум это имя, словно из сердца вырвалось.

Видимо, под пристальным взглядом Макара Савича девушка пошевелилась и немного приоткрыла глаза. Потом, повернувшись на бок, устроилась поудобнее и снова их закрыла. Вдруг резко села на кровати.

Она осмотрела комнату и, переведя взгляд на Макара Савича, тихо спросила: – Я жива? Или мне это снится?

– Жива, жива, – улыбнулся Макар Савич ее детской непосредственности, – еще как жива! Опоздай я немного, кто знает... Вот тебе одежа. Встать-то сможешь?

– Смогу, – Люба вытащила голую ногу из-под одеяла и тут же спрятала ее обратно.

– Ладно, одевайся, я пойду. Тебя как зовут-то? – обернулся он уже в дверях.

– Люба, – ответила та, еще больше натягивая на себя одеяло.

– Вона как, Люба, – повторил Макар Савич. – Любаша, стало быть, – и вышел из комнаты.

Дед

1

Тоня устало опустилась на землю прямо между грядками. Тыльной стороной ладони сдвинула косынку назад, на затылок. В глаза сразу ударил яркий солнечный свет, она зажмурилась, подставила лицо под его теплые лучи. Как же болит спина! Ох, этот проклятый горб. Не дает покоя. Ноет и ноет. Ни вниз наклониться, ни сверху что-то достать. Тоня попыталась погладить рукой онемевшую спину.

Отсюда, снизу, огород казался дремучим лесом. Только цвет – такой нежный, зеленый, даже у сорняков. А сорняков нынче – прорва! Дай волю – все заполонят. Тоня взяла в руку молодую огуречную плеть, провела пальцами по шершавому стеблю, потрогала маленькие листочки. Нечего со спиной возиться. В этом году урожай нужно собрать хороший, засолить, заготовить на зиму побольше. Ведь теперь их – трое. Вернее, со дня на день – будет четверо. Таська должна вот-вот родить. Но мальцу огурцы-то пока не по зубам будут. А вот то, что малец родится, она знала наверняка. И Пантелей-монаха так говорила.

Тоня вдруг представила малыша, скачущего на деревянной лошадке по двору. Рубашонка болтается на тонких пле-

чиках, короткие штанишки держатся на одной лямке, перекинутой через плечо. В руке вместо сабли – палка от сачка.

Тоня улыбнулась своим мыслям. Скоро, скоро будет у них в доме шумно. Эх, скорее бы!

«Ула-а! За классных, впелёд!» – кричит маленький полководец. Он пробегает мимо нее, оборачивается: «Тоня! Тоня! А папа тоже скакал?» «Папа? Нет, малыш. Папа тогда еще совсем маленьким был». «Ула-а! Папа – маленький, а я – большой! Больше папы-ы!» – и снова мчится в погоню за воображаемым врагом...

– Тоня! – резкий крик возвращает ее к действительности. – Тоня! Началось!

– Что началось? – Тоня непонимающе смотрит на нависшие над ней Пашкины усы.

– Таська рожает! Чего делать-то?

– Как рожает? Вроде, рано еще? Таська говорила, недели через две должно быть, – она непонимающе смотрит на Пашку.

– Да, и я так думал. А она, вот... рожает, и все тут...

Тоня поднялась с земли и торопливо пошла к дому, на ходу подвязывая волосы косынкой.

Таська, согнувшись, стояла около кровати. Одной рукой она держалась за железную спинку, а другой – обхватила большой круглый живот.

– Ой, Тонечка! Больно как! Не могу больше!

– Ничего, сестричка! Ничего, милая! Потерпи. Мы тако-

го мальчика родим, все ахнут! Ты прилегла бы. А то, неровен час... – Тоня принялась разбирать постель.

– Нет, не могу лежать. Мне так лучше. О-о-й! Что же это делается-то? Не вытерплю я!

– Вытерпишь! Куда ж теперь деваться? Надо вытерпеть! А ты, Пашка, чего стоишь? Беги за лошадю.

– Да, Тихон Матвеевич, вроде, в город сегодня уехал.

– К Макар Савичу беги!

– Не даст он. Злющий, как черт!

Тоня резко обернулась к нему.

– А ты попроси. Что он, не человек что ли? А не даст, так на себе потащишь. Своя ноша не тянет!

– Кремень ты, Тонька. Ладно, скоро буду! Не рожайте тут без меня! – и он выбежал за дверь.

Пашка шел по городской улице, насвистывая незатейливую песенку. Настроение было отличное. А какому же быть настроению, если он сегодня станет отцом?! Правда, думал, что это произойдет еще вчера. Когда Таська первый раз ойкнула, Пашка решил, что роды уже начались, и помчался к Тоньке. Молодец все-таки, Тонька! Калека, а хваткая такая! Не растерялась. А он, честно сказать, сдрейфил. Да ладно, никто этого и не заметил. И Савич этот мужиком оказался. Не отказал. Сразу запряг телегу и Федьку своего откомандировал. Надо бы его отблагодарить по-человечески. Но это – потом, сейчас главное – Таська.

Сегодня утром его к ней не пустили. «Приходите вечером, еще не скоро», – ответила девушка в регистратуре и закрыла перед ним окошко. Легко сказать – вечером. Ждать – хуже всего. Насчет работы Пашка не волновался. Тихона Матвеевича Тонька предупредит: хоть сегодня и воскресенье, да мало ли что. А кому срочно понадобится – Гришка выручит.

Так полдня и проболтался по улицам. «Пойду узнаю, может, уже готово», – решил Пашка и развернулся в сторону больницы.

Какое странное чувство! Пашка никак не мог понять, откуда оно взялось. «Все будет хорошо, все будет хорошо», – уговаривал он себя, постепенно убыстряя шаг, почти пере-

ходя на бег.

Вот уже показался высокий металлический забор, а за ним – желтый корпус больницы. Было такое ощущение, что весь воздух вокруг пропитан какой-то тревогой и страхом. «Что со мной? Не выспался, наверное, вот всякая ерунда и мерещится», – подумал про себя Пашка, влетая в больничную дверь.

Окошко регистратуры было закрыто. Пашка постучал в него. Никто не ответил. Он резко нажал на фанерную дверцу. Девушка стояла, прислонившись к стеллажу с медицинскими карточками, и плакала, прижав к глазам смятый кусок марлевого бинта.

– Скажите, пожалуйста, Федорова Тася родила уже? Или еще погулять? – неуверенно попытался пошутить Пашка.

Девушка медленно повернулась и подняла на него полные слез глаза. Эта минута Пашке показалась вечностью. Все внутри сжалось в тугий комок, который каким-то непонятным образом всей своей тяжестью давил на мозг, отказывающийся что-либо понимать, и на ноги, которые вмиг стали неподвижными, словно приросли к крашеному деревянному полу.

– Девушка, милая, что случилось? Что-то ужасное? – глухим и совершенно чужим голосом пролепетал Пашка.

Девушка смотрела на него, не моргая.

– У вас – мальчик. Три шестьсот. Пятьдесят три сантиметра. Поздравляю... А у нас – война. Война началась. С нем-

цами, – и она снова зарыдала в свой марлевый платок.

3

Провожали Пашку тихо. Даже Андрейка, двухнедельный от роду человек, вел себя вполне по-взрослому, не нарушая криком тягостную тишину прощания. Антонина хлопотала по хозяйству, собирая Пашке в дорогу все необходимое. Тася неподвижно сидела, прижавшись к мужу, держала его за руку и тихо, как заклинание, повторяла: «Не пущу, не пущу, не пущу...»

Пашка сидел, насупившись, гладил жену по руке и смотрел на стол, изредка бросая взгляды то на сына, то на колдующую над вещмешком Тоню.

– Так, девочки, – вдруг неожиданно сказал он, – слушайте, что я вам скажу.

Антонина отложила сложенную рубаху и присела к столу.

– Тасенька, Тонечка и Андрюха! – Пашка по очереди переводил взгляд с одного на другого. – Не так я представлял себе нашу с вами жизнь. Не так. Да, видно, не судьба.

Таська тихонько всхлипнула. Тоня провела рукой по глазам, но сдержала слезы.

– Помнишь, Таська, что Тихон Матвеевич нам тогда говорил. Я только сейчас понимать начинаю. Ведь это он о нашей семье говорил. О моей, значит, семье. А я сберець семью нашу не смог, хоть и не по своей воле. Так вот, вы берегите ее. Андрюха вырастет, и ему накажите. Как мне от вас уходить

не хочется. Как не хочется! Люблю я вас, милые вы мои. И всегда любить буду, до последней секундочки своей.

– Что это ты, Павел? – Тоня посмотрела на него, вытирая глаза кончиком передника. – Навеки что ли с нами прощайся? Вот война кончится, вернешься, как еще заживем!

– Заживем, заживем, – как-то невпопад повторил Пашка, думая о чем-то далеком.

Таська с громкими рыданиями повисла у него на шее.

– Не пуцу! Не пуцу! За что? Почему так? Только жить начали! Не пуцу-у!

– Тише, тише, – успокаивал ее Пашка. Потом взял ее голову обеими руками, немного отстранил от себя и пристально посмотрел в глаза. – Тасенька, об одном прошу: сына береги! Андрюшеньку нашего. И себя. Милая моя. Родная моя, – и Пашка крепко прижал жену к себе.

Вьюжным февральским утром почтальон принес в дом Федоровых два письма.

Одно, в виде фронтового треугольника, было датировано 31 июля 1941 года. Павел писал: «Дорогие мои, Тасенька, Тоня и Андрейка! Как вы там без батьки? Сынок, поди, подрос? Очень скучаю. Хоть бы одним глазком посмотреть на вас. Тогда и смерть не страшна. Мне без вас так плохо! Все бы отдал, хоть бы минуточку побыть с вами, дорогие мои.

Тасенька! Не знаю, смогу ли еще написать до 23 сентября? Увидеться с вами в этот день вряд ли получится. Но вспоминать о вас буду обязательно. И вы обо мне вспоминайте. И еще хочу я, чтобы потом, через много лет, день этот стал днем нашей семьи. А семья у нас будет большая-большая. И дружная. Я знаю это. И чтобы собирались все и рассказывали друг другу о своих делах и помыслах. Чтоб любили и уважали друг друга. Только в разлуке понимаешь, как это важно!

Ну, все! Больше писать не могу, объявили построение. Скорее бы в бой! Я эту вражину зубами рвать буду, голыми руками пойду на него, лишь бы задушить, уничтожить эту мразь фашистскую!

За меня не беспокойтесь.

Обнимаю вас крепко. Ваш Павел».

Второе письмо было из военкомата. В нем официально со-

общалось, что рядовой Красной Армии, Федоров Павел Андреевич, погиб смертью храбрых 14 декабря 1941 года в боях под Москвой.

Макар Савич

1

Макар Савич лежал на узкой госпитальной койке. Спина уже занемела, но шевелиться не хотелось.

«Сколько же я тут провалялся! Вона, уже весна! Ночи – совсем короткие стали».

Он смотрел на яркую звездочку в оконном проеме. Если закрыть правый глаз, ее видно, а – левый, нет. Прячется за деревянную раму, словно в прятки с ним играет.

Макар Савич улыбнулся своей детской шалости, и мысли его понеслись домой, туда, где остались Любаша с Федькой, лошади его любимые. Односельчане, которых недолюбливал когда-то, теперь казались ему самыми близкими на земле людьми. Ох, как бы он хотел сейчас очутиться рядом с ними, Любашу обнять крепко-крепко. Он очень явственно представил себе, как одной рукой обнимает упругий стан девушки, а другой – нежно гладит светло-русые волосы, пропуская между пальцами шелковистые пряди, вдыхая аромат ее молодости. Макар Савич даже потянул носом...

Стоп! Он резко открыл глаза и покосился на то место, где под белой простыней должна была находиться его левая рука. Белая больничная ткань лежала ровно, и не было ника-

кого намека на то, что под ней что-то есть.

Макар Савич с тяжелым вздохом перевел глаза на окно, за которым по-прежнему продолжала свой путь неизвестная звезда.

«Ишь, дурак, размечтался, – горестно подумал он, – Какой я теперь мужик, без руки-то?»

Мысли переметнулись в тот уже далекий летний день, когда провожали их на войну. Всея деревней. Молча, словно боясь нарушить тишину близости, тишину последней минуты, тишину расставания. Даже, когда подошли телеги и раздалась команда: «Подъем!», не заголосили, как обычно бабы. А только сильнее прижались к своим мужьям и сыновьям, стараясь продлить этот последний миг, за которым – такая беспросветная бездна, о которой даже подумать страшно.

Макар Савич простился со своими дома. Не любил он на людях показывать свои чувства.

Федьку, по инвалидности, в армию пока не призывали. Макар Савич был этому даже рад, будет кому за хозяйством присмотреть.

Любаша, которая так и осталась жить на хуторе, стояла, еле сдерживая слезы. Знала, не понравится хозяину, если выть начнет. Терпела. И только пристально, не отрывая глаз, смотрела на него. словно старалась запомнить каждую черточку его огрубевшего от нелегкой судьбы лица. Взглядом разглаживала морщинки, собранные пучком около глаз, и

словно успокаивала. Как маленького. Как своего ребенка, которого отрывают от матери, а он и не понимает, зачем это делают.

А он старался и вовсе на нее не смотреть. Что-то внутри него словно поворачивало его в ее сторону, а он все отводил и отводил глаза. Зачем? Боялся чего-то? Да, вроде, некстати ему бояться. И кого? Любаша? Вот еще! И о чем он сейчас думает? Не об этом надобно думать. Война идет. Война.

– Ты, Федор, Любашу не обижай! – сказал Макар Савич, вставая со стула и надевая на плечи рюкзак с собранными в дорогу вещами и едой.

– Да как можно? Макар Савич, не беспокойтесь за нас. Мы-то как-нибудь сдюжим. Себя берегите там.

– Ладно, справимся. Провожать не ходите. Сам пойду. Давай здесь прощаться.

Макар Савич обнял за худенькие плечи Федьку и с силой потряхнул несколько раз. Потом повернулся и посмотрел на Любашу. Та подалась немного вперед, но остановилась под его взглядом. Макар Савич резко отвел глаза и развернулся к двери. Уже выходя, он обернулся и сказал: «Ждите!»

2

Макар Савич не стал дожидаться общей команды и устроился в первой по ходу телеге. Не любил он прощания. А собственно, никогда в жизни ни с кем он и не прощался. Нет, один раз было. Давно. Когда мать с отцом да с братьями младшими уезжали. До сих пор голос матери в ушах звенит. Сколько ни пытался забыть Макар этот крик, не смог.

Пожалуй, только сейчас, когда он сам уезжал в неизвестность, оставляя здесь, на родном островке земли, самое дорогое, что есть в его жизни. Как же невыносимо тяжело было тогда им, родителям его? Как же он не понимал тогда этого? Боялся показаться слабым? В чем? В любви к своим близким, к своей семье?!

Сегодня он уезжает. И никто не провожает его в этот далекий неведомый путь. Почему? Сам не позволил.

Макар Савич посмотрел на небольшие группки людей, расположившиеся вдоль дороги. Горе объединило всех. Люди пытались как-то приободрить, поддержать друг друга. Старались держаться вместе.

Ему вдруг нестерпимо захотелось, чтобы здесь оказалась Любаша. Макар Савич улыбнулся в жесткие усы при воспоминании о ней. Как он подобрал ее тогда в зимнем лесу. Ведь, замерзла бы совсем.

Привязался он к ней. Ладная Любаша оказалась, сноро-

вистая. По дому управляется, любо-дорого посмотреть. Все в чистоте и порядке содержит. И ей хорошо. Чисто, тепло, сытно.

Но нет. Что-то другое заставило сейчас Макара Савича вспомнить о Любаше. Что-то совсем близкое, родное.

За своими думами Макар Савич не заметил, как все разместились на телегах, и обоз двинулся в путь, сопровождаемый уже не сдерживаемым плачем провожающих. Он обернулся и еще раз посмотрел в сторону своего хутора. И вдруг на самой верхушке дальнего холма он увидел маленькую фигурку и развевающийся над ней яркий платок. «Прощай, Любаша», – с горечью подумал он.

А впрочем, может быть, ему это только померещилось?

В городе их разместили в спортивном зале одной из школ. Народу было много. Новобранцы, в основном гражданские, не обученные военному ремеслу люди, пытались как-то приспособиться к новым временным условиям жизни. Макар Савич держался особняком и не прислушивался к чужим разговорам. Пашку Федорова он заметил сразу. Тот сидел в противоположном углу и, медленно затягиваясь папиросой, о чем-то думал. Макар Савич вспомнил, как тот прибежал к нему за лошадьё, белый как полотно, испуганный. Аккурат накануне войны это было. Кто у него родился-то? Парень или девка? А какая теперь разница? Война. Вот и Пашку когда-то мать родила, а теперь – на фронт. И его тоже мать рожала. В муках, наверное. В ушах опять громким эхом отозвался ее прощальный крик. Наверное, до самой смерти не забудет его. До смерти. А долго ли до нее, до смерти этой? Война.

Пашка вдруг поднялся со своего места и направился к нему. Макар Савич пододвинулся, освобождая место рядом с собой. Павел сел, предложил закурить, закурил сам.

– Ну, что, Макар Савич, воевать надо, – то ли сказал, то ли спросил Пашка.

Макар Савич посмотрел на него и ничего не ответил. Что он мог сказать? А молоть языком просто для разговора не любил.

– Спасибо тебе, Макар Савич, – продолжал Пашка, не ожидая ответа собеседника, – выручил. Сын у меня родился. Андрюха. Скоро месяц будет!

Макар Савич продолжал молчать.

– Вот как же так, Макар Савич, – Пашка посмотрел на него, – почему людям жить не дают? Ведь я хочу видеть, как мой сын растет, хочу с ними быть рядом, с моей семьей. А нас разлучают. Фашисты проклятые! – он с силой стукнул кулаком по колену. – Сволочи!

Макар Савич повернул голову к Пашке. Изменился он. Повзрослел. Отец!

– Да, – вздохнул Макар Савич, принимая прежнее положение.

А ему уже пятый десяток, и нет у него ни сына, ни дочери. Ни сестер, ни братьев. Никого у него нет. Так может, это и к лучшему – тосковать не по кому. Кто знает?

Это был тяжелый бой. Зимний морозный воздух выхолаживает все внутри. А снаружи – жара. Немцы поливают огнем, словно хотят утопить в нем все вокруг. Крики, стоны, взрывы! Фонтанами взмывают в ревущее небо комья земли и снега. Страшно!

Макар Савич старался быть рядом с Пашкой. Отчаянный он хлопец! Не первый раз вместе в бой идут. Лезет в самое пекло. А с чем воевать-то? С ружьишком, которое в руках-то по-настоящему еще не держали. Не обучили толком, не одели. Несколько дней помуштровали на школьном дворе и сразу на фронт. Он-то хоть в гражданскую с оружием познакомился, а тут – мальцы совсем. Жалко, положат их. Разве с гранатой и ружьем против танка повоюешь?

Снова атака.

– За Родину! За Таську! За Андрюху моего! – кричит Пашка, поднимаясь во весь рост и выпрыгивая из окопа.

– Куда раньше всех, балабол! – Макар Савич бежит вслед за ним.

Каким-то подсознательным чувством он ощущает, что должен быть рядом с ним. Пока они вместе, ничего с ними не случится. Никто им не страшен!

Вдруг прямо под ногами вспыхивает яркий свет. Макар Савич на секунду замирает, ища глазами Пашку, и провали-

вается в кипящий огненный котел...

– Макар Савич! – кричит Пашка, видя, как тот падает на заснеженную землю. Он бежит к нему, но вдруг внезапно останавливается, словно наткнувшись на какое-то невидимое препятствие, и, медленно оседая, опускается рядом.

Так и остались они лежать на поле боя. Не друзья и не враги, а просто – два человека, два земляка, жизнью своей защищавшие свою землю.

Сестра Варвара

Дрожащее пламя керосиновой лампы освещало узкую комнатку с одним окошком, находившимся почти под самым потолком. Вдоль стены стояла кровать, застеленная простым суконным одеялом. Уголок одеяла был отогнут и приоткрывал ситцевую в мелкий горошек простынь и такую же наволочку на небольшой плоской подушке. Пол перед кроватью был устлан домотканой дорожкой. Рядом, на обычной крашеной табуретке, примостившейся между кроватью и противоположной стеной, аккуратно стопкой лежали молитвенники и, приставленная к ним, небольшая икона.

Перед иконой на коленях стояла женщина. Простое платье из черной ткани плотно облегалo ее стройную фигуру с еще достаточно упругими формами. Лицо было уставшим, с обветренной сухой кожей, но еще не настолько испещренное морщинами, чтобы в нем не угадывались следы былой красоты. Вот только глаза...

В них не было жизни. Они существовали сами по себе где-то далеко от этого мира.

Женщина, прикрыв веки, беззвучно шевелила губами, периодически кланяясь и крестясь. Если бы она могла, то вообще никогда не открывала бы глаза. Не раз сожалела о том, что не ослепла в ту страшную минуту. Больше ей нечего было ждать от этой жизни. И не на что смотреть. И нечего слы-

шать. Надо просто смиренно ждать, когда наступит тот миг, и она снова встретится со своим любимым. Но это будет другой мир и другая жизнь. Надо только ждать...

Любаша

1

Она не знала, сколько прошло времени после того, как обоз, увозивший Макар Савича на войну, скрылся из глаз. Может быть, полчаса, а может быть, два. Какая разница? И что теперь для нее жизнь без него? Пустота...

Любаша стояла, прислонившись к шершавому стволу старой березы, на самой верхушке холма. Отсюда было хорошо видно все, что происходило на площади. Хоть и призывал Макар Савич не провожать его, но как только он вышел за порог, она тут же побежала следом. Тихонько, крадучись, чтобы не заметил. И почти все время простояла за этой толстой березой, осторожно выглядывая, чтобы не пропустить момент отъезда. А когда обоз двинулся, не утерпела, выбежала на край холма и стала размахивать платком. Чтобы оглянулся, заметил ее, махнул на прощание рукой.

Только сейчас, стоя на этом холме, она вдруг начала осознавать то, что сейчас произошло. А произошло страшное: ее разлучили с Макарушкой. Да, для нее, молоденькой неопытной девчонки этот солидный бородатый мужик был просто Макарушкой, любимым и самым дорогим на свете человеком.

Это началось, наверное, с того момента, как он подобрал ее, замерзающую, в том искрящемся белоснежном лесу. Нет, наверное, чуть позже. Когда стыдливо спрятала под одеяло от мужского взгляда свои худые ноги с еще по-детски торчащими коленками. Да, наверное. Щеки тогда так и зарделись ярким румянцем. Хорошо, что Макар Савич не заметил, быстро вышел из комнаты.

Не поехала она тогда к тетке своей, а осталась тут, на хуторе.

Два года она живет с ним и с Федькой в одном доме. Почти не разговаривают. Да особо и некогда разговаривать-то. Дел много, у каждого свои обязанности.

Только теперь Любаша поняла, кем для нее стал этот угрюмый неразговорчивый человек. Он стал частью ее самой. И вот теперь словно отрезают от нее половину. Половину ее тела, жизни, души. А как жить, разрезанной наполовину?

Любаша еще раз взглянула вниз. Пыль на дороге уже осела, словно и не было ничего. По-летнему светило солнце, порхали бабочки. К чему это все? Ведь жизнь закончилась.

Бесконечно долго тянулись страшные военные годы. Прощание, проводы, слезы, холод, постоянное ожидание непоправимых вестей с фронта, животный страх при виде почтальона и невероятная радость от родных слов, написанных обычным простым карандашом на листочке бумаги...

Любаша ехала в телеге, умело держа в руках поводья. Буян, единственный конь, оставшийся на конюшне, спокойно шел по знакомой дороге.

Да, теперь Любаше все приходилось делать самой. Федор все-таки добился отправки на фронт. Хоть и инвалид, не смог усидеть дома. Уговорил военкома.

За все это время от Макара Савича пришло только одно письмо. Осенью сорок первого. Писал, чтобы не волновались за него, что воюет. С Пашкой вместе. Короткое было письмо, но Любаша все его перечитывала, каждую букровку запомнила. Вот, вроде, и никаких ласковых слов не написал, а таким теплом веет.

Потом на Пашку похоронка пришла. Любаша, хоть и не знала его толком, а жаль парня. Сынок у него только перед войной родился. Андрейкой, вроде бы, назвали. А у Таси после этого молоко пропало. Кормить мальчонку нечем стало. Вот и пришла она к Любаше за молоком. Так и договорились. То она приходила, то Любаша к ней относилась. Ей-то нетруд-

но. А помогать друг дружке надо. Сейчас всем нелегко.

А мальчонка забавный такой! Любаша улыбнулась, вспомнив, как однажды Тася попросила ее подержать малыша на руках, пока молоко переливала. Улыбается ей, ручонками машет, лопочет что-то. Маленький такой, а, вроде бы, все понимает. Любаша даже подумала – вот бы у нее появился такой малыш. Она бы его так любила...

Мысли опять переключились на Макара Савича. Где он сейчас? Жив ли? Любаше стало не по себе. Она потуже натянула поводья и цокнула языком: «Эй, Буянушка, поедем шибче! А то что-то мы задержались, молоко скиснет...»

Макар Савич

1

Заканчивалась весна сорок пятого. Солдаты возвращались с войны. Кто – домой, кто – в неизвестность...

Макар Савич сидел с закрытыми глазами, прижавшись лбом к прохладному стеклу вагонного окошка. Он думал. О многом надо было подумать. Куда он едет? К кому? Ждут ли его в его родном доме?

Почему-то вспомнилась мать. Захотелось вдруг прижаться к ней, почувствовать родной теплый запах детства. Он теперь все больше вспоминал не минуты их расставанья, не тот истошный крик матери, который будил его по ночам долгие годы. Макар Савич старался припомнить каждое слово, которое говорил ему отец при их последней встрече. А говорил он тогда об их семье. Обида и злость на отца застилала глаза и притупляла слух. Дорого бы сейчас отдал Макар Савич за то, чтобы этот разговор повторился. Хотя бы в памяти. На многое из того, о чем говорил тогда отец, он сейчас ответил бы по-другому. Совсем по-другому.

Семья. Для отца тогда это было смыслом жизни. Он все делал для того, чтобы сохранить свою семью, удержать сына от роковых ошибок. Не понял Макар этого тогда. Ох, как не

понял... И в тот последний вечер отец больше говорил о его, Макара, новой семье, которая обязательно должна была появиться в его жизни. А как же без семьи? Это – основа всего! Так говорил отец, но Макар только ухмылялся. Зачем ему семья? Обуза! Комсомол, колхоз – вот его жизнь! А семья, само собой, будет. Но это – не самое главное в жизни!

И что? Так бобылем и прожил. Только с лошадьми общий язык и нашел!

– Эх, – от тягостных воспоминаний заныла рука.

Макар Савич погладил торчащий в рукаве остаток предплечья. Больше трех лет прошло после ампутации, а ноет и болит, как живая. Чувствует ее Макар Савич, видно, никак не может смириться с тем, что инвалид он теперь.

– Эх-хе-хе, – он приоткрыл глаза. За окном мелькали деревья, столбы со струящимися проводами. Тяжело вздохнул и откинулся к стенке вагона.

«И куда еду? Зачем?» – опять поползли тревожные мысли.

Тогда, в сорок первом, после ранения он больше полугода промаялся по госпиталям. Никак рана не заживала. Да и сейчас дает о себе знать, а тогда хотели вовсе всю руку ампутировать. Но обошлось, слава Богу.

Домой возвращаться он не мог. Не хотел.

Пошел тогда к начальнику госпиталя и попросил остаться. Кем угодно готов быть. Хоть и калека, но не старый ведь еще. Силы есть. Приноровился управляться одной рукой.

«Хороший был человек, Василий Семенович», – ухмыльнулся Макар Савич, вспоминая всепонимающий взгляд сурового подполковника, скользнувший по его глазам, и остановившийся на пустом рукаве, заправленном за пояс гимнастерки.

Так и остался он там до конца войны, желая скорейшего ее завершения и больше всего на свете боясь этого момента.

Кто ждал его в родном хуторе? Из писем Любаши он знал, что Федор ушел на фронт. Жив ли? Конь Буян, старый друг! Почему-то Макар Савич был твердо уверен, что Буян ждет его. А как же? Друзья должны держаться вместе. Любаша...

Макар Савич упорно старался отогнать от себя мысли о ней. На письма не отвечал. Он еще по осени, в самом начале войны, написал им, чтобы не беспокоились о нем, не волновались. Любаша ответила. А он не стал. Ни к чему! Потом еще несколько писем получил. Из них узнал, что Пашку, односельчанина и друга его фронтового, убили. Он-то все-таки думал, надеясь, что обойдется: без вести пропавший – еще не мертвый. А раз похоронка, то значит – все!

Любаша... Не ее ли он видел на том холме у старой березы, когда тронулся обоз, увозивший их на войну? Фигурка, вроде бы, знакомая. Да мало ли девушек провожало в тот день своих мужиков?

Во, надумал чего? Он что – ее мужик, что ли? Кто он, и кто она? Девчонка совсем! Пигалица! Ан, нет, все же она там была! Как пить дать, она! Макар Савич даже ухмыльнулся

в усы.

И тут он вдруг представил себя и Любашу за столом с самоваром. А рядом на лавке детишки. Много детишек. Розовощекие, сытые, степенные с виду. А сами так и норовят погозить под столом, чтобы отец не видел. Отец...

Макар Савич снова поморщился от боли в руке. Пятый десяток уже, какой там отец... А все ж таки семья! Может, в этом и есть настоящее счастье-то?

С этими мыслями он задремал.

Поезд медленно приближался к станции. Макар Савич стоял около двери с вещевым мешком за плечами. Мимо проплывали знакомые с детства места. Война почти не тронула этот пейзаж. Вспомнилось, как еще пацанами прибежали сюда смотреть на мелькающие огоньки проноссящихся мимо поездов.

Небольшая площадь перед серым зданием вокзала встретила серой угрюмостью послевоенного времени вперемешку с приподнятым настроением возвращающихся с этой страшной войны уставших людей.

Макар Савич присел на большой камень, служивший здешним пассажирам скамейкой, и достал мешочек с махоркой.

«Может, не торопиться домой-то? – устало подумал он. – Побуду здесь, осмотрюсь, кого знакомых увижу. Расспрошу, что да как.»

Нужна была передышка от этих невыносимых мыслей, терзавших все эти годы, раздиравших на части все его существо.

Вдруг он повернул голову. Что-то едва уловимое, но до боли знакомое, заставило его насторожиться. «Буян, Буянушка!» – Макар Савич встал, и, как гончая по следу, пошел в сторону небольшого базарчика, приютившегося здесь же на

другой стороне вокзала.

Он сразу увидел своего коня, впряженного в телегу и смотревшего прямо на него.

Они одновременно рванулись друг другу навстречу.

– Стой, чертяка окаян..! – осеклась на полуслове Любаша, разливая молоко мимо горлышка маленького бидончика.

Макар Савич, уткнувшись в уже поредевшую гриву коня, тихо плакал. А конь, повернув голову и скосив на него свой лиловый глаз, стоял не шевелясь, словно боясь нарушить эту минуту любви и покоя.

Домой ехали молча. Буян шел спокойно и уверенно, изредка косясь назад, проверяя, на месте ли хозяин. Макар Савич держал поводья одной рукой и что-то насвистывал себе в усы. Любаша сидела на краю телеги, с нежностью смотрела на ссутулившуюся спину Макара Савича и улыбалась.

Андрей

1

– Наденька моя идет! Обедать пора! – Андрей заглушил мотор огромного комбайна.

«Не старят ее годы! – он с нежностью посмотрел на приближающуюся фигурку жены. – Такая же ладная, как и пятнадцать лет назад».

Улыбнулся своим воспоминаниям.

В детстве он считал ее младшей сестрой. Андрей вообще рано стал ощущать себя взрослым. Как только война закончилась, мамка ему все рассказала об отце. Плакали они с мамой Тоней в тот вечер очень. Андрейка никак понять не мог: победа, а они плачут. Он знал, что папка на фронте. А раз победа, значит скоро прийти должен! Чего плакать-то? Радоваться надо!

Мать усадила его перед собой, вытерла глаза платком и тихо так сказала:

«Вот, Андрей...» Да, именно так и сказала: «Андрей», – по-взрослому! «Вот, Андрей! Теперь ты большой, ты теперь единственный мужчина у нас с Тонечкой... – она сделала небольшую паузу, вдохнула, словно собиралась с силами, чтобы говорить дальше. – А папка твой, Павел, погиб на

фронте. Не придет он! И ждать нечего. Помнить только и остается...»

И снова обе разрыдались в голос.

Андрей уже тогда, несмотря на свой юный возраст, не разревелся, а только крепче сжал губешки и пристально посмотрел на плачущую мать. Потом перевел взгляд на Тоню. Она уткнулась лицом в платок, и взгляд его остановился на вздрагивающем горбике под тонкой ситцевой тканью халата. Вот тогда-то он и поклялся себе, что никогда и никому не позволит обидеть их. Любимых женщин его семьи!

2

Андрей спустился по ступенькам из кабины на землю. Шла страда. Чтобы не терять драгоценное время, все обедали прямо в поле. Устраивались, кто как мог. Кто-то брал с собой нехитрые съестные припасы. Кому-то родственники приносили вареной картошки с салом да овощей.

Наденька умудрялась принести даже щи в специальном горшочке с крышкой. Чтобы не остывало. И квасу холодного из погреба.

В такую жару больше всего хотелось пить, но Андрей ел с аппетитом, явно доставляя этим удовольствие жене.

Он любил делать ей приятно. И не только потому, что теперь она стала его любимой женщиной. Просто она всегда была женщиной его семьи!

3

– Мама Тоня, к тебе дяденька!

Андрейка был занят важным мужским делом: пытался молотком заколотить гвоздь, наполовину вылезший из доски на ступеньке дома. Молоток был большой и очень тяжелый. Мальчик поднимал его обеими ручками и, тяжело сопя, с силой, на которую был способен пятилетний малыш, опускал на шляпку толстого гвоздя.

Его не очень интересовал пришелец, но заметив, что тот продолжает стоять за забором, крикнул еще раз:

– Мама Тонь, идешь?

– Чего кричишь? Что за дяденька? – Тоня недовольно выбежала из дома, на ходу вытирая руки о передник.

Аккуратно обойдя мальчика, она спустилась со ступенек и пошла по направлению к незнакомцу.

У калитки, не заходя во двор, стоял мужчина. Видно, после хорошей порции самогона, он не очень твердо держался на ногах. В руках у него был завернутый в байковое одеяло грудной ребенок.

– Петр, ты что ли?

– Я это, Антонина, я, – мужчина стыдливо кашлянул в сторону.

– Давно не виделись, тебя и не узнать, – Тоня провела взглядом по испитому, изрезанному глубокими морщинами

лицу собеседника. – Вот что водка-то делает! Довел себя совсем! Уморить себя хочешь что ли?

– Да, ладно, Антонина! Не обо мне речь-то.

Ребенок в свертке начал подавать признаки жизни.

– Вот, – Петр неловко попытался протянуть его Тоне.

– Ты чего? – Антонина невольно сделала шаг назад. – Чей это? У Любки украл что ли, прости Господи!

Она несколько раз перекрестилась.

– Ты что такое подумала, стерва! – Петр покачнулся на слабеющих ногах и начал оседать на землю. – Наденька это, кровиночка моя!

Антонина еле успела подхватить ребенка, как Петр завалился прямо под забор и громко захрапел.

Тоня несколько минут неподвижно стояла и ничего не понимающими глазами смотрела на него.

Из ступора ее вывел истошный детский крик, раздавшийся из одеяла. Антонина вздрогнула и приподняла уголок, прикрывающий лицо ребенка. Маленькое личико младенца покраснело от натуги, беззубый ротик был широко открыт, на лобике выступили капельки пота. Ему было так плохо в этом неуклюже завернутом свертке!

– Мама Тоня, – закричал подбежавший Андрейка, – неси его в дом! Он, наверное, есть хочет!

– Наверное, – машинально ответила Тоня, еще раз бросила взгляд на спящего Петра и быстро зашагала к дому.

4

Было уже далеко за полночь, но Андрейка не спал и все прислушивался к разговору мамки и мамы Тони за занавеской, отделявшей его кровать от той части комнаты, в которой размещались взрослые.

Под подушкой лежала небольшая кривая палка, чем-то напоминавшая ружье. Так ему было спокойнее. В случае новой войны он этим оружием сможет их защитить. А хорошую девчонку им сегодня принес пьяный дядька Петя! Она, хоть и маленькая, но орет здорово! Громко! Ладно, он и ее тоже защитит, в случае чего.

– Ну, все, устала я, – услышал он голос матери, – ты тут с ней оставайся, а я с Андрейкой устроюсь. Завтра с утра все и решим.

Андрейка еще раз проверил, на месте ли палка, и подвинулся на край кровати, к самой стенке.

Наденька

1

Тася возвращалась с фермы после вечерней дойки очень уставшая. Первый послевоенный год. Тяжелое, голодное время. И для людей, и для скотины. Сена вдоволь не накопили. Коровы истощали совсем. Пока надоишь, все руки вывернешь...

С такими невеселыми мыслями она и не заметила, как вошла в дом.

Тоня и Андрейка сидели на кровати, плотно прижавшись друг к другу, явно что-то пряча за собой.

– Что-то случилось? Что там у вас? – насторожилась Тася, пытаясь заглянуть за их спины.

– Мамка, ты не ругайся! Нам дядька Петя Наденьку маленькую принес. Пусть она у нас поживет, а?

Тася перевела взгляд на Тоню, явно ничего не понимая.

– Тонь, в чем дело-то? У меня сил нет ваши загадки разгадывать!

Тоня молча отодвинулась, и в образовавшемся проеме Тася увидела розовое личико ребенка, аккуратно завернутого в Андрейкино одеяльце и сладко посапывающего во сне.

– Это кто?

– Я ж тебе говорю, Наденька это! – повторил Андрейка, сползая с кровати.

– Тасенька, ты погоди, садись. Я тебе сейчас все расскажу, – Тоня прихлопнула рукой по тому месту на кровати, на котором только что сидел Андрейка, приглашая сестру присесть рядом с собой.

– Тасенька, я вот что надумала, – она глубоко вздохнула, словно набираясь сил для разговора. – Приходил Петр с хутора. Брат Макар Савича. Знаешь ведь?

– Да, знаю, знаю, не тяни ты, – начала терять терпение Тася.

– Ну, вот, пришел с ребенком, отдал мне, а сам пропал.

– Как это – пропал? Испарился что ли? – Тася переводила непонимающий взгляд с Тони на ребенка.

– Ну да, испарился. Девчонку мне отдал, а сам уснул у нас под забором пьяный. А когда темнеть стало, я вышла, а его и след простыл! Убёг, ирод!

А может, и вправду, оставим девочку-то? Дочка у нас будет...

– Мамка, давай оставим... – почти шепотом произнес Андрейка, решив, что ему наконец можно включиться в разговор взрослых.

– Вы что, спятили совсем! А ты – марш спать! Полночь уже, а он тут рассуждает!

Андрейка беспрекословно ушел за занавеску. Он понял, что сейчас лучше мамку не злить...

2

– Откуда у Петра ребенок? Может, с Любкой что приключилось? – тихо спросила Тася, разглядывая малышку.

– Да нет! Любка уже такой шум подняла бы! Нашел где-нибудь... – так же тихо ответила Тоня. – Спьяну-то чего только не наговорил, ничего толком понять не успела. Свадился замертво, думала, до утра не очухается! А он, видишь как? Умотал втихаря!

Тоня просительно посмотрела на сестру.

– Тасенька, а может, и впрямь оставим девчонку-то? Будет Андрейке сестричка. У меня детей уже никогда не будет. Да и у тебя неизвестно, как еще повернется... Павлуша-то наш...

На глазах у нее выступили слезы. Тася молча взглянула на нее. Потом повернулась к ребенку.

– Да, конечно вдвоем им веселее будет! И по жизни, мало ли как сложится...

– Вот и я о том толкую. Все еще родной человечек у нашего Андрейки будет. Выкормим, небось! А завтра сходим на хутор и все толком разузнаем. Мы ведь, как Макар Савича похоронили, так с ними и не виделись. Нелюдимые они какие-то.

– Ну, все! Устала я, – Тася вздохнула и тяжело поднялась с кровати. – Ты тут с ней оставайся, а я с Андрейкой устроюсь.

Завтра с утра все и решим.

Тоня всю ночь пролежала на одном боку, боясь пошевелиться и потревожить ребенка.

Уже пора было вставать, но она все лежала и разглядывала личико девочки. И, чем больше она в него вглядывалась, тем больше, как ей казалось, находила сходство с собой. И губки тонкие, ровные, и слегка закругленный носик с широкими ноздрями, и беленькие реснички, достаточно длинные для такого юного возраста.

Тася зашла к ним, когда уже начало светать.

– Спокойная, ночью даже не слышно было, – сказала она, наклоняясь над спящим ребенком.

– Вот и я говорю, давай оставим. Смотри, и на меня похожа. Будет у нас дочка!

Тася присела на край кровати.

– Сначала надо все выяснить. Ребенок все-таки, не кукла какая-то. Ведь не может же она быть ничейной. Ну, да ладно, – поднялась и направилась к двери. – После утренней дойки вернусь, сходим к Петру, все выясним.

К хутору они подходили молча, словно внутренне готовились к трудному разговору. Что-то происходило сейчас. Что именно, пока было не понятно. Но явно что-то важное!

Дверь в дом была приоткрыта.

– Петр! Люба! – позвала Тася.

Никто не откликнулся.

Женщины осторожно вошли вовнутрь.

Петр сидел посреди комнаты за большим столом. Он неподвижно глядел в одну точку перед собой и тихонько раскачивался из стороны в сторону, руки безвольно лежали на столешнице.

– Петр, – окликнула его Тася. – Что стряслось-то?

Петр повернул к ней голову, посмотрел невидящим взглядом куда-то сквозь нее и опять принял прежнее положение.

Тася подошла к столу, отодвинула в сторону грязную посуду и остатки еды и жестом показала Тоне, чтобы та положила ребенка.

– Чей? – строго спросила она.

– Был Любкин, теперича мой, видать, – также безучастно произнес Петр.

– А Любка-то где? Говори ты, черт эдакий! – Тася начала терять терпение.

– А кто ж ее знает, Любку-то? Ушла! Девку бросила и

ушла!

На какое-то мгновение в его глазах промелькнула жизнь. Тася подсела рядом с ним на табурет.

– Петь, ты толком-то расскажи. Что случилось?

– Вот, Тасенька, – он повернул голову в ее сторону, – вот как бывает-то. Я мальцом еще был, когда семью нашу разделили. Нас – в Сибирь, Макарка здесь остался. Разбили семью, значит. А собрать так и не удалось. Мать умерла, отец другую завел. Да не прижился я с ними. Пить начал крепко. Думал, легче станет. Нет, Тасенька, не стало! Потом война. Думал, ну, вот, отмучаюсь, наконец. На войне долго не задерживаются. И тут не повезло! Живым с фронта пришел. Ну, думаю, раз такое дело, домой вернусь. На хутор отцовский, к Макарке. Брат все-таки тут, вместе будем хозяйство вести. И с братом не заладилось. Схоронили его скоренько...

– Эх! – Петр широко замахнулся, но в это время раздался плач ребенка. Его рука так и повисла в воздухе, с крепко зажатыми пальцами в огромном кулаке.

– Вот, Таська, чего я с ней теперь делать буду? – он протянул руку по направлению к девочке. – Любка, как Макарушка помер, совсем с ума спятила. Не нужен, говорит, ей ребенок! Без Макарушки и свет не мил! «Не хочу!» – говорит. А что, ребенок понимает хочу-не хочу? Он чем виноват?

– Конечно, не виноват, Петя, – поддержала его Тася, видя, что другим способом его не разговорить. У нее в голове не укладывалось, как это Люба могла отказаться от дочки. Все-

гда такая доброжелательная, уважительная. Про их отношения с Макар Савичем слухи ходили разные. И что слишком стар он для нее, и что инвалид. Поговаривали, что и она с ним живет из-за хозяйства, даже по тем послевоенным временам, богатого. Да слухи слухами, а только Тасе всегда казалось, что по любви у них все. Вот и дочку народили. Что-то здесь не так...

– Петь, а ты часом ничего не путаешь? Я же видела, как она с моим Андрейкой нянчится, когда молоко приносила. Не могла она дочку свою оставить. Сколько ребятишек после войны сиротами остались! А тут, при живой матери-то? Не понимаю!

– Вот и я не понимаю, Таська, – Петр, казалось, окончательно протрезвел. – Мне самому ее не поднять. Что делать-то будем? – как-то по-семейному спросил он.

– Давайте, пока Люба не вернется, она и впрямь у нас поживет. Нам сподручнее, чем тебе, с ней управиться-то будет, – тихо произнесла Тоня, до сих пор молча стоявшая около ребенка.

– А я потому к вам и пришел, – откликнулся Петр и вопросительно посмотрел на Тасю. – Тась, ты как, не против?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.